

“Гуси серые”

Образы птиц и ветра в причитаниях на Вологодчине

© Е. Ф. ЮГАЙ

Плачи по умершим – древняя фольклорная форма, которая присутствовала практически у всех народов. На протяжении их существования музыкальный и образный строй произведений и их объем значительно изменялись. В памяти жительниц Вологодской области плачи или их фрагменты сохраняются до сих пор. В основном удается записать отдельные мотивы – сетование на невозможность встречи, передача весточки умершим ранее родственникам и знакомым.

Вместе с тем, среди часто вспоминаемых формул – обращение к стихиям, где, наряду с ветром, песком, землей, встречается словосочетание “гуси серые”. Это обращение, неожиданное в ряду природных явлений, имеет древние корни. А для современного восприятия (в том числе самих носительниц текстов) является поэтическим образом, открывающим новые художественные стороны произведения.

В поминальных плачах обычно плачя просит “ветры буйные”, “пески желтые” послушаться ее желания и помочь вернуть умершего, после чего следует сетование на себя, забывшую, что “с того свету белого” нет возврата. В числе одушевленных стихий встречаются и птицы. Создательница самого полного на сегодняшний день собрания вологодских причитаний Б.Б. Ефименкова отмечает, что обращение к гусям присутствует в причитаниях, собранных в районах Кокшенги, Уфтюги (левый приток Сухоны) и прилегающей части Сухоны.

В наиболее полных текстах поминальных причётов обращение к гусям следует перед обращением к туче, т.е. первым. Например:

О-ё-ёй, да налетите, серы гуси,
О-ё-ёй, да распорхнитесь, жёлты пески!
О-ё-ёй, да накатись, да туча грозная! ... [1. С. 151].

Фрагмент с гусями бывает более распространенным и сюжетным, чем фрагменты с тучей и песком. Уточняется, как, откуда прилетают птицы (“Из-за морюшка си... ой ...инего да/Прилетите, серы... ой ...и гуси, да” [1. С. 155]), как они садятся сначала на церковь, потом спускаются ниже, на “круту могилушку”. Не в таком развернутом виде этот рассказ сохраняется и сейчас, что подтверждается материалами, собранными Вологодской школой традиционной народной культуры.

Внесение образа птиц меняет саму структуру обращения: гуси занимают место не просто в ряду других стихий, а становятся посредниками между человеком и природой, к которой он обращается:

Да розгребите серы ...гуси,
Да желтые-то песо...чики,
Да серые камешо...о...чики [2. Касс. 552].

Здесь гуси становятся силой, приводящей в движение “недвижимые” объекты. Не сами по себе развеиваются пески земли, не сами разбиваются гробовые доски, а как бы одушевленные серыми гусями, как будто эти птицы и есть души предметов и стихий.

В некоторых случаях структура обращения еще более сложная. Плачя просит “серых гусей” развеять могилу, а гром – разбить гробовую доску.

Прилетите серы гуси,
Розгребите, распорхайте,
Вы крутую могилушку,
Дуньте, громы-те сильные,
Розбейте гробову-ту доску,
Да дуньте ветры-те буйные,
Сдуйте с лица полотёнышко... [2. Касс. 150]

Причем в приведенной цитате к грому обращаются с глаголом, обычно адресованным ветру, что свидетельствует об однородности образов стихий в ряду обращений.

Обращение к гусям и к ветрам могут следовать друг за другом, причем каждому будет соответствовать определенное действие:

Как часока да тепере
Прилетите-то, гуси серые, да
Розгребите пески желтые
На крутые да могилушки
У моего чады милого да
Дуньте-то ветры восточные
Росшибите гробову доску, да... [2. Касс. 141]

Таким образом, здесь гуси, туча и ветры представлены как самостоятельная сила, а пески, камни, доска – как объект ее действия. Нетрудно заметить, что первые суть от неба, вторые – от земли. Туча и ветер непредметны, они движение, дыхание, душа, как и птицы, с точки зрения символики. При этом их материальность ощутима: обычно молния должна именно расколоть доску, ветер – сдуть полотенце с лица умершего, гуси – по камешку рассеять землю.

Связь птицы и стихий не случайна. А.Н. Афанасьев упоминает, что птица – “мифический образ ветра” в связи с тем, что “в феврале месяце нечистые вылетают из ада в виде ветра” [3]. При этом происходит уподобление по признаку скорости: стремительность и лёт объединяют ветер с птицей. Правда, обыкновенно буре и вихрям уподоблялись хищные птицы.

Обращает на себя внимание власть гусей вернуть умершего, пусть этого и не происходит. Пролет гусей служит маркером смены сезонов, а лето и зима – одна из трансформаций оппозиции жизнь – смерть. Возможно, именно с этим связана амбивалентная роль гусей в сказках (перемещение протагониста в мир мертвых к Бабе-Яге и возвращение его в мир живых), значимость гусей-лебедей в обрядовом фольклоре. Способность этих птиц быть вестниками и умирания, и воскресения природы побуждает осиротевших людей обращаться к ним с просьбой о возвращении близких.

Важность образа “гуся-лебедя” в мифопоэтическом восприятии мира подтверждается и частотностью образа в фольклорных текстах разных жанров, и устойчивостью мотива птицы в вышивке, керамике, резьбе, и древностью (образ водоплавающей птицы зафиксирован в петроглифах Онежского озера и побережья Белого моря [4]). Млечный Путь – мифологическая дорога в загробный мир – у многих народов носит названия “лебединой” (тюрки, угрофины, чуваша, греки), “гусиной дороги”.

Гусь в некоторых традициях олицетворяет мировой хаос, кроме того, это древнейший солярный знак, а в легендах о сотворении мира часто выступает в роли сотворца и антагониста Бога: достает землю со дна мирового океана, утаивает часть за щекой и, соперничая с демиургом, творит другую землю, в противовес основной, холодную и мертвую. В свою очередь ветер “в народных представлениях наделяется свойствами демонического существа” [5], обитает в далеких местах, например, “за морем”. Отождествление гусей и ветра закономерно.

Подобно тому, как ветер материализуется в гусей, гром может заменяться камнем:

Да цас теперчатые...
Накотиси перева...уш/и/ка
Упади серой ка...о...мешок
Да в гробовую дошше...о...чики
Да на цетыре части...о...ночки
На мелкие полови...о...ночки... [2. Касс. 552].

Особыми мифологическими свойствами наделяется т.н. “громовая стрела” – сплав, получившийся в результате удара молнии в песок [6]. А.Н. Афанасьев приводит многочисленные примеры уподобления грома (молнии) оружию: стрелам, мечу. Камень – древнейшая метафора в

этом ряду. В причётах нет контекста небесной битвы, предполагаемая гроза имеет отношение к сражению двух миров за умершего, но действующей (желающей) силой в ней оказывается человек. Не случайно словосочетание “серый камешек” может служить для обозначения и горя, тоски вообще:

Ой, отвалился бы у меня,
Ой, стопудов серой камешок,
Ой, от сердечка ретивого! [1. С. 91].

Играет роль и символика цвета. Как смешение всех хроматических цветов серый по семантике близок к бесцветному. Отсутствие качеств сродни безличности образа гусей. Воздуху и духам присуща невидимость, соотносимая с бесцветностью. Мировой хаос также лишен цвета, который есть следствие порядка и разделения. Смутность, неясность серого, его бесцветность при потенциальном включении в себя всех земных цветов соответствует тревоге и печали вестников хаоса.

В христианской символике значение серого цвета конкретнее, что дает новые ключи к пониманию образа. Как смешение белого, цвета невинности, и черного, цвета вины, серый цвет считается символом земной смерти и духовного бессмертия. Кроме того, это цвет пепла, который связан с похоронными обрядами. Пепел соотносим с прахом, поэтому серый – цвет праха, но и души, от него освободившейся.

Образ “серых гусей” переходит и в рекрутские причёты, более поздние по времени образования. В 2002 году в Бабушкинском районе Вологодской области были записаны тексты, в которых плачущий обращается к гусям с вопросом или просьбой передать весточку.

– Вы серы гуси,
Да летите с тоё сторонушки,
Да где мой сын ясный сокол служит,
Дак вы скажите-ко серые гуси,
Дак от сына – ясна сокола,
Дак вы скажите мне весточку
Как мой сын там ясной сокол
Службу в армии проносит [2. Касс. 745]

– причитает мать, когда гуси летят из стороны, где служит ее сын. Если они летят в обратную сторону:

Понесите серы гуси
Да сыну ясному соколу,
Дак от меня горе горькёё,
От меня молодёшенькой,
Да понесите им весточку,

Да вы скажите сыну ясному соколу,
Дак я жду своево да рождёного,
Жду я каждый денёчек и ноченьку тёмную,
И светлой денёчик... [2. Касс. 745].

В рекрутских причётах роль инобытия выполняет служба в армии, и гуси выступают как медиаторы, связывающие два мира. Способность возвращать оплакиваемого, слишком архаичная для более реалистичных рекрутских причётов, утрачивается, и гуси выступают в традиционной для всех птиц роли вестников.

Таким образом, связь с ветром в причётах обусловлена обращением к загробному миру, контактом с душами умерших. Обращение к стихиям выражает страх и преодоление его, одиночество среди людей и власть (попытку управления) по отношению к миру явлений, сменяющуюся осознанием своего бессилия и возвращением плачеи в мир живых.

Явившись из обозначения ветра, образ серых гусей в причитаниях, вбирая в себя и другие значения, является одним из самых запоминающихся. Для птицы, участвовавшей в создании мира, логично быть связанной с трагическими закономерностями мира, в частности с необратимостью смерти. Множественность образа создает впечатление безличности стихии и печали, а значит, невозможности ни уговорить, ни победить их.

Литература

1. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. М., 1980.
2. Архив "Школы традиционной народной культуры". Вологда. 1998–2008. Указ. номер кассеты.
3. *Афанасьев А.Н.* Мифы, поверья и суеверья славян: поэтические воззрения славян на природу. М., СПб., 2002. Т. 1. С. 324.
4. *Жарникова С.В.* Образы водоплавающей птицы в русской народной традиции (истоки и генезис) // *Культура Русского Севера: межвузовский сборник научных трудов.* Вологда, 1994. С. 114.
5. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* М., 1995. С. 86.
6. *Славянские древности/под общ. ред. Н.И. Толстого.* М., 1995. Т. 1.

Вологда